

**ЧИТАЙТЕ МИСТИЧЕСКИЕ ТРИЛЛЕРЫ АРТУРА
ГЕДЕОНА
В СЕРИИ «ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ»:**

ЗВЕЗДНАЯ КАРТА ЦАРЯ САУЛА

ЦИКЛ «ЛЕШИЙ»

ЛЕШИЙ. ХОЗЯИН ЧЕРНОГО ЛЕСА
ЛЕШИЙ. ЦАРЬ ЛЕДЯНОЙ ПУСТОШИ

ЦИКЛ «ЛИЛИТ»

ЛИЛИТ. ЗЛОЕ СЕРДЦЕ КУКЛЫ
ЛИЛИТ. ОГНЕННАЯ ДУША КУКЛЫ
ЛИЛИТ. КУКЛА ИЗ ВЕЧНОЙ ТЬМЫ
ЛИЛИТ. В ЗЕРКАЛЕ ФАУСТА
ЛИЛИТ. ЗВЕЗДНЫЙ ПЛАЩ КАЗАНОВЫ
ЛИЛИТ. НЕУЛОВИМАЯ ЗВЕЗДА СЕН-ЖЕРМЕНА

Артур Геденон

ЛЕШИЙ

Царь ледяной пустоши

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Гедеон, Артур.

Г28 Леший. Царь ледяной пустоши / Артур Гедеон. —
Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-237971-0

В глубинке, где советская власть тщетно пыталась искоренить древние верования, пробуждается зло, дремавшее тысячелетиями. Потрясенное кладбище в глухом селе Синий бор становится вратами в ад, выпускающая на волю тайны, способные перевернуть мир. Журналистка Кассандра Лопухина и частный детектив Андрей Крымов, ведомые загадочным мудрецом Антоном Антоновичем, вступают в смертельную гонку со временем. Им предстоит столкнуться с демоном, властителем стихий и коварным соблазнителем, чья месть за гибель невесты и нерожденного дитя грозит уничтожить все живое...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-237971-0

© Гедеон А., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

*1969 год, спецпоезд Москва —
Куприянов-на-Волге*

Специальный поезд пролетал все станции без остановок. На дорогу давалась одна ночь. Из Москвы мчал он на Среднюю Волгу, в те далекие привольные края, где хорошо ходить на веслах, ловить щук да судаков, а то и стерлядь, мечтать поймать белугу, здешнего динозавра, чей вой редкими ночами несется по всей великой реке, слушать на закате гармошку, беззаботные песни местных Баянов или грозные казацкие баллады, лазать по легендарным Девьим горам, по тайным пещерам, пить самогон из местных винокурен, влюбляться в ясноглазых красоток с добрыми сердцами, отдыхать от забот. Но ждали там как раз заботы — и такие, что нарочно не придумаешь и только заклятому врагу и пожелаешь.

Все семафоры послушно давали составу зеленый свет, угодливо щелкали стрелки, открывая дорогу. Когда проезжали через города, пассажиры наглухо зашторивали окна вагонов, чтобы ничего не рассмотрели беззаботные путешественники, простые гражданские, дожидавшиеся на вокзалах своих поездов. Такова ин-

струкция с самого верха, прямиком с Лубянки, а может быть, даже из Кремля. Чем необычнее ситуация, тем старательнее надо ее скрывать.

В самом поезде только нарастало тревожное ожидание. Оперативники КГБ разного ранга и рота отборных бойцов должны были встретиться с тем, к чему их никогда не готовили. Напротив, как советским людям, причем лучшим из них, самым патриотичным, идеологически подкованным, наиболее боеспособным, им с самого детства уверенно говорили, что такого быть **не может**. Потому что это противоречит всем законам марксизма-ленинизма и материалистической теории эволюции человека.

Противоречит, выходит, да не совсем. И вот теперь разбирайся, бери инициативу на себя. Выплывай из черного омута, как сможешь.

В помощь органам в этом же поезде ехал целый штат ученых из Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая от Академии наук, археологи и работники Кунсткамеры, успевшие добраться из Ленинграда в Москву.

Одним словом, поезд был в высшей мере специальным, засекреченным и даже опасным для тех, кто решился бы встать у него на пути, хоть каким-то малейшим телодвижением помешать заданию партии и правительства.

В тамбуре курил одну сигарету за другой еще молодой высокий мужчина в сером гражданском костюме, но с военной выправкой. Разумеется, офицер в штатском. Строгое лицо, впалые щеки, твердые круглые скулы, горящие глаза. В узкое окошко он смотрел

на черные весенние степи своей бескрайней родины и думал: что это, подлое издевательство? Розыгрыш? Глумление? Да конечно нет! Кто бы так отважился поиздеваться? За такие шутки — сразу на Колыму. Годков на десять, чтобы отбить охоту шутковать. А прежде бы и к стенке поставили. Или эта страшная аномалия на самом деле хорошо продуманная наглая провокация? Прodelки загнивающего капиталистического мира, который ненавидит свободное государство советских трудящихся? Вот и лепит горбатого, да так лепит, что тут и концов не найдешь.

И вновь острый вопрос: а как такое можно было повернуть на глазах у целого большого села? У сотен крестьян-работяг? Как можно было забуриться в землю и там совершить *такое*? И что самое главное, создать видимость, что эти чудеса в решетке длятся уже сотни лет? Разве способны на такое даже изощренные в своих выдумках спецслужбы Запада? Вряд ли. Тогда что остается? Суровая реальность, которой нет объяснений?

Ничего, остались считанные часы — вот он доберется и найдет эти объяснения. Рассвет часа через четыре — они будут в Куприянове-на-Волге через три. Он еще успеет вздремнуть.

Слушая перестук колес, он делал глубокие затяжки, даже не замечая, как быстро тает его очередная сигарета. Родина, еще вчера такая понятная, вдруг повернулась к нему былинной, сказочной стороной. Темные просторы под яркой весенней луной с зеркалами озер теперь казались совсем чужими, даже враждебными...

Отъехала дверь в купейный вагон. Выглянул молодой адъютант.

— Товарищ полковник, вы просили доложить, когда чаек будет. И прочее. Докладываю: все на столе. Водочка и коньячок тоже. И балычок, и шоколад. — Адъютант ослабился: — Все для поддержания энергии и тонуса.

— Хорошо, Семенов, спасибо, — не глядя на него, кивнул начальник. — Сейчас только докурю... Ты иди, Миша, иди...

— Так точно, товарищ полковник.

Дверь за адъютантом закрылась. Полковник раздавил сигарету в железной выдвижной пепельнице, приваренной к стене тамбура и набитой окурками, смрадной и мерзкой, захлопнул ее. Зашел в вагон. Несколько оперативников стояли у окон и, приоткрыв их, дышали прохладным ночным ветром. Увидев его, задержали на суровом начальнике взгляд и отвернулись — сейчас всем было не по себе, и разговор ни у кого толком не клеился.

Семенов мог устроить стол быстро и хорошо. Полковник вспомнил, что забыл помыть руки. Выставил ладони вперед.

— Плесни, — сказал он.

Адъютант аккуратно налил водки в широкие, как лапти, тесно сомкнутые твердые ладони начальника, и тот растер руки.

— Теперь порядок.

— Коньяку, водочки? Григорий Григорьевич?

— Давай коньяку, Миша.

— Так точно.

Леший. Царь Ледяной пустоши

— Выпей со мной.

— Ага.

Адъютант разлил по серебряным походным стопкам коньяк, они чокнулись и выпили. Закусили балыком. Выпили по второй.

— Ну все, теперь ступай к себе, — распорядился полковник. — Думу буду думать. Вы у кого сидите? — Он вопросительно кивнул: — Чего так смотришь на меня? Сидите же, не спите, а?

— Да никто не спит, — покачал головой адъютант. — У Колзакова сидим.

— Добро, Семенов, добро. Много не пейте. Иди. А я буду думать суровую думу, как мы до такого докатились и чего упустили.

— Так точно, товарищ полковник.

Семенов ушел. Полковник откинулся на спинку дивана. Нет, в купе он курить не будет — потом дышать угаром. Он выпил еще, скромно закусил — все равно, в отличие от коньяка, кусок в горло не лез — и, скинув казенные башмаки, прилег головой к окну на худую казенную подушку. Руки закинул за голову.

Все случилось несколько дней назад. Произошло это на Средней Волге в городе Куприянове, который до революции назывался Царев. В отдаленном областном селе Синий Бор во время паводка вспухло старинное кладбище и пошло к реке. И тут местные жители стали находить одно страшное чудо за другим. С мальчишек все началось — им же до всего есть дело. Мигом всполошились местные органы, затем милиция, потом их КГБ, все мгновенно докатилось до Москвы.

Посылка буквально с ветерком долетела до столицы — на ведомственном самолете.

И вот уже он, полковник Григорий Кривонос, возглавлявший специальный отдел на Лубянке, держал в руках детский череп, один из трех, практически череп младенца, и поверить не мог своим глазам. Он и в руки-то его поначалу брать остерегался, как будто худое могло случиться. Опалит такая черепушка или порчу наведет. Такого быть не могло! Но было. И он смотрел на это страшное чудо. Через час в его кабинет влетели как ошпаренные три пожилых академика и усталились на эту же находку. Бледнее этих трех убеленных сединами мудрецов была только сама смерть.

Как раз по одной черепушке в одни руки.

— И что вы об этом думаете, товарищи?

— Аномалия, фантастическая аномалия, — бормотал один из них, что помоложе.

— Была бы аномалия, — заметил второй, самый пожилой и седобородый, — если бы только один был такой. Но их три!

— Да не три, — заметил полковник. — А больше.

— Насколько больше? — спросил третий мудрец из академии.

— Намного, товарищи. Намного. И как я понимаю, все они не одного выводка, верно?

— Верно, — кивнул первый ученый. — Один старше лет на пятьдесят как минимум.

Слушая их, полковник кивал:

— А стало быть, это не исключение и не тенденция, а правило. Так у вас говорят в науке?

Три мудреца переглянулись.

Леший. Царь Ледяной пустоши

— Приблизительно, — кивнул убеленный сединами второй академик.

— Тогда домой за вещами, — распорядился полковник. — Берите только самое необходимое. Собирайтесь и ждите звонка. Едем на место. Да, и сразу же, сейчас же, даете подписку о неразглашении. Трепанетесь, господа ученые, — миролюбиво усмехнулся он, — сами понимаете, мало не покажется. Вы застали те времена, когда смертушка с косой ходила по вашим рядам. Я этого категорически не одобряю, но дело в высшей степени секретное. Самой что ни на есть государственной важности. Смущать умы советских граждан строго запрещено и жестоко наказуемо.

— Мы всё поняли, — кивнул второй из трех мудрецов, самый пожилой и, кажется, самый рассудительный. — Нам не привыкать. Но нас маловато — понадобятся еще археологи. Большой отряд. Придется снимать один пласт грунта за другим. Они знают, как это делается.

— Отлично. Вы будете старшим, профессор. Моим замом по науке. За дело.

Его опергруппа была готова к любому повороту дела. Он лично экстренно отобрал оперативников, на которых мог всецело положиться. Эти прошли огонь и воду. Как и он сам, Венгрию и Чехию в том числе. А кто и фашистов успел добить. На плечи местных гэбэшников он такой груз взвалить не решился. Дело было слишком важным. Необычным и важным. Куприяновские агенты свое уже сделали — запугали местных жителей всеми земными карами, взяли подписку о неразглашении и оцепили район злосчаст-

ного кладбища, а заодно и все село. Не въедешь, не уедешь.

К опасности-то он, полковник Кривonos, привык, был смел и находчив, изобретателен, благодаря чему и поднялся так быстро по карьерной лестнице, идеологически подкован, да что там, из стали выплавлен, буквально железным был человеком, но чтобы в таких обстоятельствах оказаться, для которых ни одной инструкции не существовало, а шаг влево и шаг вправо как в пропасть, это первый раз в жизни.

И теперь он вез с собой на Волгу целую армию спецов всех профессий и мастей — охватить, захватить, изучить, запугать, оградить мир от возможной паники и заразы.

В Куприянов они прибыли, как и предполагалось, затемно. Вокзал был предусмотрительно очищен от людей. Куда их дели, бог знает. Метлой вымести. По всему перрону стояли агенты КГБ. Они же караулили и в старинном дореволюционном здании вокзала.

Директор железной дороги, пожилой и важный, из старой номенклатурной гвардии, отродясь не видел такого кипежа. Именно так, метким зонovским словцом он определил то, чему стал свидетелем. Тревожный и зоркий взгляд его, единственного понадобившегося в сложившейся ситуации администратора, так и метался по рядам прибывших. Чтобы военные и гражданские, и в таком числе! Он направился к главному, четко кивнул и дрогнувшим голосом на свой страх и риск тихонько спросил:

— Неужто война будет, товарищ полковник?

Леший. Царь Ледяной пустоши

— Да, с мировым империализмом, — пошутил тот. — Надо рано или поздно начинать. А то все тянем, тянем. Вы запасной столицей уже были, опыт есть.

Пошутил, конечно. Или не пошутил?

— И все-таки, к чему быть готовым?

— Как всегда, к самому худшему. Ищем опасного преступника, — мрачно объяснил полковник в штатском. — Занятная у вас область, товарищ. Занятная и опасная. Держите нос по ветру. Возможны провокации. Будут задавать вопросы, отвечайте так: хотите, чтобы вас расстреляли вместе со мной? Могу рассказать. Быстро отстанут. А вопросы еще будут, можете мне поверить.

«Будет война, будет», — решил начальник вокзала.

Спецы и важные ученые мужи расселись по машинам, рядовые агенты и научные работники — по автобусам. И все дружно еще затемно рванули вон из города. Как будто на картошку.

Полковнику досталась бежевая «Победа М-72» — полноприводной вездеход, шедевр советского автопрома. Только кузовом автомобиль был похож на обычную «Победу», а на деле — мощный танк. С собой на заднее сиденье полковник усадил новоиспеченного «зама по науке».

— У вас были сутки обо всем подумать, профессор. Посоветоваться с товарищами. Даже пара часов, чтобы провести наскоро экспертизу. Что можете сказать об этих экземплярах?

— Два черепа младенца конца девятнадцатого века, один — конца восемнадцатого, — задумчиво

вымолвил седовласый ученый муж. — Так определили наши специалисты.

— О чем это говорит?

— Говорит о том, товарищ полковник, что это не случайность, не аномалия. И не тенденция. А как вы сами изволили заметить — правило или закон. Отчего оторопь и берет.

— Ну, вы с оторопью немного повремените, профессор. Как я понимаю, оторопь нас ждет на месте.

— Да, это восхищает и ужасает. Наши ученые предвкусуют великий антропологический пир.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь...

— Могу сказать, что в эти дни мы совершим великий переворот в науке, — заметил седовласый ученый. — Но, как я понимаю, наше открытие останется только нашим?

— Во веки веков, аминь, — глядя в окно автомобиля на волжские перелески, кивнул полковник. — Что не отменяет правительственных наград и щедрых служебных льгот, как то: повышение по службе.

Ближе к полудню автомобильный поезд въезжал в село Синий Бор. Все тянули из машин и автобусов шеи, рассматривая пустые улицы. Как после газовой атаки — разве что трупы по улицам не лежали. И тут местных жителей органы безопасности предусмотрительно разогнали по домам и под угрозой ареста приказали носа не совать на улицу. Впрочем, деревенские жители за десятилетия так были зашуганы советской властью, что с полным смирением и даже некоторым упоением засели у печек.

За них разберутся! **Там** знают, как быть!

«Победа»-вездеход остановилась у самого ограждения — оно шло вдоль всего старинного кладбища, во время паводка поплывшего вниз к речке. Тут было не счесть охраны, начальников всех мастей из города, потому что все ждали «московских гостей». Полковнику жали руки, заискивающе заглядывали в глаза. Такой «заморский гость», такой варяг слово недоброе скажет про тебя — и вот ты уже полетел из своего высокого кресла, покатился кубарем вниз с той самой горки, на которую лез, а то и полз долгие годы.

Но полковника интересовало только две вещи: во-первых, количество находок, подобных той, что доставили для него в Москву. И во-вторых, проход под землю. Случайно открытый проход на месте склепа бывшего синеборского старосты Губина, который почил еще в конце девятнадцатого века.

Разумеется, склеп вскрыли давным-давно, полвека назад, во время революции, думали отыскать там буржуйское сокровище, все разворотили, ничего не нашли и бросили. Вандализм был тогда делом обычным. Соборы и храмы ломали тысячами, да какие соборы и храмы, залюбуешься, а тут подумаешь — склеп! Да еще на заброшенном кладбище. Тьфу. Какое-то время в этом склепе гостили двое бездомных, пока их не прогнал участковый. Бездомные говорили, что по ночам слышали голоса из-под земли. Ну так алкаши, чего с них взять. Кладбище обветшало, сам склеп тоже выглядел не ахти как, ну как выглядят на просторах Советского Союза общественные туалеты. Но оказалось — только внешне. Когда старин-